

№ 6—№ 7.

Цѣна 70 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ _____ _____ нашего времени.

1. Переживаніе.
2. Почему на самомъ дѣлѣ евреямъ нельзя устраивать погромовъ?
3. Еще о „сынѣ“ въ отношеніи „Отца“.
4. Приказъ № 1.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1918.

Переживание.

Въ Посадѣ мѣра картофеля (августа 12-го 1918 года)—50 рублей. Услышала отъ старушки Еловой, что въ гор. Александровѣ, близъ Посада, мѣра—6 руб. Спѣшу на вокзалъ справиться, когда въ Александровъ отходятъ поѣзды. Отвѣчаетъ мастеровой съ бляхой:

— Въ три.

Я:

— Это по старому или по новому времени?

Часы по приказанію большевиковъ переведены въ Сергіевѣ на 2 часа впередъ.

— Конечно по новому. Теперь все по новому. (Помолчавъ:)—Старое теперь все въ могилѣ.

Да. Радуйся русская литература, И ржаная мука уже 350 р. пуд.

Бѣдные мрутъ. Богатые едва имѣютъ силу держаться.

Почему на самомъ дѣлѣ евреямъ нельзя устраивать погромовъ?

Въ революціи нашей въ высшей степени „неясень“ еврей. Какъ онъ во всемъ не ясенъ, и запутался во всей европейской цивилизаціи. Но до Европы—оставимъ. Надъ важны „мы“. Посмотрите, какъ они трясутся надъ революціей. Не умно, злобовредно, но—трясутся. А вѣдь это и ихъ „гешефтамъ“ не обѣщаетъ ничего. Даже обѣщаетъ плохо. Почему же они трясутся? Я разъ посмотрѣлъ въ иллюстрированномъ журналѣ—Нахамкиса; и, противъ неприятнаго Ленина, сказалъ: — „Какъ онъ серьезень“ (хотѣлъ-бы видѣть въ натурѣ).

Да, рѣчь его противъ Михаила Александровича—нагла. Но вѣдь евреи и всегда наглы. Въ Европѣ, собственно, они не умѣютъ говорить европейскимъ языкомъ, т. е. льстивымъ, вкрадчивымъ и лукавымъ, во всякомъ случаѣ—вѣжливымъ, а орутъ какъ въ Азін, ибо и суть азіаты, грубіаны и дерзки. Это—гого-чуціе пророки, какъ я опредѣлилъ какъ-то. Они обо всякой курицѣ, т. е. въ торгѣ, про-

рочествуютъ. „Ефа за ефу“,—„отчего ефу не вывѣряешь“, „отчего вѣсы не вѣрны“ (Исаія,— или который-то, разъ попалось). Но... онъ дѣйствительно, дѣйствительно „припадать къ ногамъ“—хотя быть „Стекловымъ“¹⁾. Но это— не обманъ. Только отодвинутый „кончикомъ носка сапога“, онъ разъярился какъ „Нахамкись“ и на Михаила Александровича, и— дальше... И возненавидѣлъ всю эту старую „черствую Русь“.

Евреи... Ихъ связь съ революціей я ненавижу, но эта связь, съ другой стороны, — хороша; ибо изъ-за связи и даже изъ-за поглощенія евреями почти всей революціи—она и слиняетъ, окончится погромами и вообще окончится ничѣмъ: слишкомъ явно, что „не служить-же русскому солдату и мужику евреямъ“... Я хочу указать ту простую вещь, что если магнаты еврейства можетъ быть и думаютъ „въ цѣломъ руководить потомъ Россіей“, то есть бѣдные жидки, которые и соотечественникамъ не уступятъ русскаго му-

¹⁾ Найденное, послѣ валомъ революціоннаго, его прошение на Высочайшее Имя, о позволеніи перемѣнить свою еврейскую фамилію—на русскую.

эника (идеализированнаго) и ремесленника и вообще (тоже идеализированнаго) сироту. Еврей сантиментален, глуповатъ и преувеличиваютъ. Русскій „мужичекъ - простачекъ“ злобнѣе, грубѣе... Главное—гораздо грубѣе. „Съ евреями у насъ дѣло вовсе не разобрано“. Еврей есть первый по культурѣ человѣкъ во всей Европѣ, которая груба, плоска и въ „человѣчествѣ“ далѣе социализма не понимаетъ. Еврей-же зналъ вздохи Иова, пѣсенки Руои, пѣснь Деворры и сестры Монсея:

— О, фараонъ, ты ввергнулся въ море. И кони твои потонули. И вотъ ты—ничто.

Еврей—самый утонченный народъ въ Европѣ. Только по глупости и наивности они пристали къ плоскому дну революціи, когда ихъ мѣсто—совсѣмъ на другомъ мѣстѣ, у подножія державъ (такъ вѣдь и поступаютъ и чтутъ старые *настоящіе* еврей, въ *благородномъ*: „мы—рабы Твои“, у всего *настояще*. Великаго. „Величить душа моя Господа“—это всегда у евреевъ, и всегда—въ отношеніи къ великому и благородному исторіи). О, я вѣрю, и Нахамкисъ приложился сюда. Но—сорвалось. Сорвалось не-„величіе“, и онъ ушелъ, мстительно какъ еврей,—ушелъ „въ

богему“. „Революція такъ революція“. „Вали все“. Это жидъ и жидокъ и его нетерпѣливость.

Я выбираю жидка. Сколько насмѣшекъ. А онъ все цымбалить. Насмѣшекъ, анекдотовъ: а онъ смотритъ русскому въ глаза и поетъ ему пѣсни (на жаргонѣ) Заднѣпровья, Хохломанин, Подолін, Воыни, Кавказа, и, можетъ быть, еще Сиріи и Палестины и Вавилона и Китая (я слышалъ, есть китайцы-евреи, и отпускаютъ себѣ косы!!!). Еврей вездѣ и онъ „странствующій жидъ“. Но не думайте, не для „гешефта“: но (наша Лѣтонтисъ)—„Богъ отнялъ у насъ землю за грѣхи наши и съ тѣхъ поръ мы странствуемъ“.

И вездѣ они несутъ благородную и святую идею „грѣха“ (я плачу), безъ которой нѣтъ религіи, а человѣчество было-бы разбито (праведнымъ небомъ), если-бы „отъ жидовъ“ не научилось трепетать и молить о себѣ за грѣхъ. Они. Они. Они. Они утерли сопли пресловутому европейскому человѣчеству и всунули ему въ руки молитвенникъ: „на, болванъ, помолись“. Дали псалмы. И Чудная Дѣва—изъ евреекъ. Что-бы мы были, какая дичь въ Европѣ, если-бы не еврей. Но они пронесли пе-

чальныя пѣсни черезъ насъ, смотрѣли (всегда грустными глазами) на насъ. И разъ я на пароходѣ слышалъ (и плакалъ): „Купи на 15 коп. уксусной кислоты—я выпью и умру. Потому-что онъ измѣнилъ мнѣ“. Пѣла жи-довка лѣтъ 14-ти, и 12-лѣтній братъ ея игралъ на скрипкѣ. И жидовка была серьезна. О, серьезна... Я (въ душѣ) плакалъ. И думалъ: „какъ честно; они выработываютъ пятаками за проѣздъ, когда у насъ бѣдные ѣдутъ фуксами, т. е. какъ нибудь на казенный счетъ, или подъ лавкою, и вообще—на даровщинку.

И вотъ они пѣли, какъ и Деворра, не хуже. Почему хуже? Какъ „На рѣкахъ вавилонскихъ“:—„О, мы разобьемъ дѣтей твоихъ о камень, дщерь вавилонская“. Это—Нахамкисъ. Нахамкисъ кричитъ: „Зачѣмъ-же лишили его права быть Стекловымъ“, „благороднымъ русскимъ гражданиномъ Стекловымъ“, и также сталъ „ругать звѣрки Михаила Александровича“, какъ іудеянки хотѣли (вѣдь только *хотѣли*) „разбивать вавилонскихъ дѣтей о камня“ (вавилонскій жаргонъ).

Это—гнѣвъ, ярость: но оттого-то они и живутъ и не могутъ и не хотятъ умереть, что—горячи.

И будь, жидь, горячь. О, какъ Розановъ— и не засыпай, и не холодѣй вѣчно. Если ты задремлешь—миръ умреть. Миръ живъ и даже не сонень, пока еврей „все однимъ глазкомъ смотритъ на миръ“.—„А почему нынче овесъ?“—И торгуй, еврей, торгуй,—только не обижай русскихъ. О, не обижай, миленькій. Ты талантливъ, даже гениалень въ торговлѣ (связь вѣковъ, связь съ Финикіей). Припусти насъ, сперва припусти къ „Торговлѣ аптекарскими товарами“, къ аптекамъ, научи „синдикатамъ“ и вообще введи въ свое дѣло ну хоть изъ 7—8⁰/₀, а себѣ—100, и русскіе должны съ этимъ примириться, потому что вѣдь не они изобрѣтатели. Подай еврею, подай еврею,—онъ творецъ, сотворилъ. Но потомъ подай и русскому. Господи: онъ нищъ.

О, довольно этой „нищенской суммы“, этого христіанскаго нищенства, изъ котораго вѣдь выглядываютъ завидующіе глазки. Но оставимъ. И вернемся къ печальнымъ пѣснямъ Израиля.

И вотъ онъ играетъ, мальчишка, а дѣвченка поетъ. Какъ я слушалъ эту пѣсню безумную, на Волгѣ. И дѣти мои слушали. И они почти плакали. Впечатлительны всѣ. „Вѣдь у васъ былъ Самсонъ, еврей?“ Моргаетъ.—„Помните,

Самсонъ и Далила?“— „Какъ они сражались съ филистимлянами?“— „Сражались, о, о...“— „Ну?“— „Теперь одна стѣна плача. Римляне разворили все“...

И они трясутъ кулаками по направленію Рима. „У... У... У...“. Но, еврей, утѣшься: давно прошли легіоны Рима; отъ Рима, „того самаго“, осталось еще меньше, нежели осталось отъ Іерусалима; онъ еще гораздо глубже погребень. А вы все еще спрашиваете у лѣниваго хохла: „А всетаки почему-же пшено?“

Русскіе въ странномъ обольщеніи утверждаютъ, что они „и восточный и западный народъ“,—соединяютъ „и Европу и Азію въ себя“, не замѣчая вовсе того, что скорѣе они и не западный, и не восточный народъ, ибо что-же они принесли Азію, и какую роль сыграли въ Европѣ? На Востокъ они ободрали и спопли буряты, черемисовъ, киргизъ-кайсаковъ, ободрали Арменію и Грузію, запретивъ даже (самъ слушалъ обѣдню) слушать свою православную обѣдню по-грузински. О, о, о... Самъ слушалъ, самъ слушалъ въ Тифлисѣ. Въ Европѣ явились какъ Герценъ и Бакунинъ и „внесли социализмъ“, котораго „вотъ именно не хватало Европѣ“. Между Европой и Азіей

мы явились именно „межеумками“, т. е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азіи. Только пьянство, муть и грязь внесли. Это, дѣйствительно, „внесли“. Страховъ мнѣ говорилъ съ печалью и отчасти съ восхищеніемъ: „Европейцы, видя во множествѣ у себя русскихъ туристовъ, поражаются талантливостью русскихъ и *утонченнымъ ихъ развратомъ*“. Вотъ это—такъ. Но принесли-ли мы семью? добрыя начала нравовъ? Трудоспособность? Ни-ни-ни. Теперь, Господи, какъ страшно сказать... Тогда какъ мы „и не восточный, и не западный народъ“, а просто ерунда,—ерунда съ художествомъ,—евреи являются на самомъ дѣлѣ не только первенствующимъ народомъ Азіи, давшимъ уже не „кое-что“, а весь свѣтъ Азіи, весь смыслъ ея, но они гигантскими успліями, неутомимой дѣятельностью, становятся мало-по-малу и первымъ народомъ Европы. Вотъ! Вотъ! Вотъ! Этого-то и не сказалъ никто о нихъ, т. е. „о соединительной ихъ роли между Востокомъ и Западомъ, Европою и Азією“. И—пусть. О, пусть... Это—да, да, да.

Посмотрите, встрѣпенитесь, опомнитесь: не смотря на побой, какъ они часто любятъ рус-

скихъ и жалѣють ихъ пороки, и никогда „по-Гоголевски“ не издѣваются надъ ними. Надъ порокомъ нельзя смѣяться, это—преступно, звѣрски. И своею и нравственною, и культурною душою, они никогда этого и не дѣлають. Я за всю жизнь никогда не видѣлъ еврея, поемтѣяшагося надъ пьянымъ или надъ лѣнивымъ русскимъ. Это что-нибудь значить среди оглушительнаго хохота самихъ русскихъ надъ своими пороками. Среди нашихъ очаровательныхъ: „Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Щедринъ, Островскій“. А вотъ слова, которыя я слышалъ: „Послушайте, какъ вы смотрите на русскаго священника?“—„При всѣхъ его недостаткахъ, я всетаки люблю его“.—„Люблю? Это—мало: можно-ли не чтить его: онъ получаетъ корку хлѣба, т. е. сельскій священникъ, а сколько труда, сколько труда онъ несетъ“. Это докторъ Розенблюмъ, въ Лугѣ, въ 1910 г. Я думалъ, онъ—нѣмецъ. Разспросилъ—еврей. Когда разбиралось дѣло Панченко („Де-Ласей и Панченко“), пришлось при экспертизѣ опросить какого-то врача-еврея, и онъ сказалъ серьезно: „Я вообще привыкъ думать, что русскій врачъ есть достойное и нравственное лицо“. Я такъ былъ по-

раженъ обобщенностью вывода и твердостью тона. И за всю жизнь я былъ поражаемъ, что не смотря на побой („погромы“) взгляды евреевъ на русскихъ, на душу русскую, на самый даже несносный характеръ русскихъ—уважительно, серьезно. Я долго (многіе годы) приписывалъ это тому, что „евреи хотятъ еще больше развратиться русскимъ“: но покоряетъ дѣло истинѣ своей, и я въ концѣ концовъ вижу, что это—не такъ. Что стояло безумное оклеветаніе въ душѣ моей, а на самомъ дѣлѣ евреи уважительно, любяще и трогательно относятся къ русскимъ, даже со страннымъ противъ европейцевъ предпочтеніемъ. И на это есть причина: среди „свинства“ русскихъ, есть правда одно дорогое качество—интимность, задушевность. Еврей—тоже. И вотъ этою чертою они ужасно связываются съ русскими. Только русскій есть пьяный задушевный человѣкъ, а еврей есть трезвый задушевный человѣкъ.

Огромный красивый солдатъ, въ полу-су-мракѣ уже, говорилъ мнѣ:

— Какъ отвратительно... Какъ отвратителенъ тонъ заподозриванія среди этого Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Я при-

шелъ въ Таврическій Дворецъ и не вѣрю тому, что вижу... Я пришелъ съ вѣрою—въ народъ, въ демократію...

Такъ-какъ я пришелъ „безъ вѣры“, то горячо и какъ-бы „хватаясь за его руку“, спросилъ у него:

— Да кто вы?..

— Солдатъ изъ Финляндіи... Стоимъ въ Финляндіи... Я, собственно, еврей...

— Я—русскій. Русскій изъ русскихъ. Но я хочу васъ поцѣловать.—И мы крѣпко поцѣловались.

Это было, когда я захотѣлъ посмотрѣть „солдатскихъ депутатовъ“ въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1917-го года.

Въ томъ-же мѣсяцѣ, но много позже:

Уголь Литейной и Бассейной. Трамвай. Переполненъ. И старается пожилой еврей съ женою сѣсть съ передней площадки, такъ какъ на задней „висять“. Я осторожно и стараясь быть не очень замѣтнымъ—подсаживаю жену его. Когда вдругъ схватилъ меня за плечо солдатъ, очевидно не трезвый („ханжа“):

— Съ передней площадки запрещено садиться. Развѣ ты не знаешь?!?!...

Я всегда поражался, что эти господа и во-

обще вся російская публика, отмѣнивъ у себя царскую власть „порывомъ“, никакъ не можетъ допустить, чтобы человѣкъ тоже „порывомъ“ вскочилъ на переднюю площадку вагона и поѣхалъ, куда ему нужно. Оттолкнувъ его, я продолжалъ поддерживать и пропихивать еврейку, сказавъ и еврею:—„Садитесь, садитесь скорѣе!!“

Мотивъ былъ: еврей торопливо просилъ пропустить его „хоть съ передней“, ибо онъ спѣшилъ къ отходу финляндскаго поѣзда. А всякій знаетъ, что значить „опоздать къ поѣзду“. Это значить „опоздать и къ обѣду“, и пошло разстройство всего дня. Я поэтому и старался помочь.

Солдатъ закричалъ, крикнувъ и другимъ тутъ стоявшимъ солдатамъ („на помощь“): „тащите его въ комиссаріатъ, онъ оскорбилъ солдата“. Я, правда, кажется называлъ его дуракомъ. Я смутился: „съ комиссаріатомъ я ко всякому обѣду у себя опоздаю“ (а тоже спѣшилъ). Видя мое смущеніе и страхъ, еврей вступился за меня:—„Что-же этотъ господинъ сдѣлалъ, онъ только помогъ моей женѣ“.

И вотъ, я не забуду этого голоса, никогда

его не забуду, потому-что въ немъ стоялъ ножъ:

— Ж-ж-идъ прок-ля-тый...

Это было такъ сказано.

И какъ музыка, старческое:

— Мы уже теперь всѣ братья („гражданство“, „свобода“,—мартъ): зачѣмъ-же вы говорите такъ (т. е. что „и еврей, и русскій—братья“, „нѣтъ больше евреевъ какъ *чужихъ и постороннихъ*“).

Я не догадался. Я не догадался...

Я слышалъ всю музыку голоса, глубоко благороднаго и глубоко удивляющагося.

Потомъ уже, на завтра, и даже „сегодня“ еще, я понялъ, что мнѣ нужно было снявъ шапку почти до земли поклониться ему, и сказать: „Вотъ, я считаюсь врагомъ еврейства, но на самомъ дѣлѣ я не врагъ: и прошу у васъ прощенія за этого грубаго солдата“.

Но солдатъ такъ кричалъ и такъ пытался схватить и дѣйствительно хваталъ за руку со своимъ „коммиссаріатомъ“, что въ попыткахъ я не сдѣлалъ естественнаго.

И опять этотъ звукъ голоса, какого *на русской улицѣ*,—ужь извините: на русской пох...-ной улицѣ,—не услышишь.

Никогда, никогда, никогда.

„Мы уже теперь всё братья. Для чего-же вы говорите такъ?“

Евреи наивны; евреи бываютъ очень наивны. Тайна и прелесть голоса (дребезжащаго, стараго) заключалась въ томъ, что этотъ еврей, — и такъ, изъ полу-образованныхъ, мѣщанъ, — глубоко и чисто повѣрилъ, со всѣмъ восточнымъ довѣріемъ, что эти плуты русскіе въ самомъ дѣлѣ „что-то почувствовавъ въ душѣ своей“, „не стерпѣли стараго произвола“ и, вотъ, „возгласили свободу“. Тогда-какъ, по завѣтамъ русской исторіи, это были просто Чичиковы, — ну, „Чичиковы въ помѣси съ Муразовыми“. Но уже никакъ не больше.

Форма. Фраза.

И вдругъ это такъ перерѣзало музыкой. Нельзя объяснить, не умѣю. Но даже до Чудной Дѣвы мнѣ что-то слышалось въ голосѣ. „Величить душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ Спасѣ моемъ“.

Я хочу то сказать, что все европейское какъ-то необыкновенно грубо, жѣстко сравнительно съ еврейскимъ. Тутъ тайна Сири и ихъ жаркихъ странъ. Тутъ та тайна еще, что они Іова слушаютъ не двѣ тысячи лѣтъ, а

нить тысячь лѣтъ, да очевидно и слушаютъ-то другимъ ухомъ. Ахъ, я не знаю что... Но я знаю, что не въ умѣ евреевъ дѣло, не въ дѣятельности и дѣловитости, какъ обыкновенно полагаютъ, а совершенно въ иномъ... Дѣло заключается, или почти должно заключаться въ какой-то таинственной Суламниѣ, которая у нихъ разлита во всемя,—въ иномъ осизаніи, въ иной воспримчивости къ цвѣтамъ, въ иной пахучести, и—какъ человѣка „взять“, „обнять“, „приласкать“. Гдѣ-то тутъ. „Отъ человѣка къ человѣку“. Не „въ еврей“, а въ „двухъ еврейхъ“. И вотъ тутъ-то они и разливаются во всемірность.

„Русскіе — общечеловѣки“. А когда дѣло дошло до Арменіи, — одинъ министръ иностранныхъ дѣлъ (и недавній) сказалъ: „Намъ (Россіи) нужна Арменія, а вовсе не нужно армянъ“. Это—дѣловымъ, строгимъ образомъ. На концѣ тѣсячелѣтія существованія Россіи. Т. е. не какъ восклицаніе, гнѣвъъ, а (у министра) почти какъ программа... Но вѣдь это значить: „согналъ-бы и стѣръ съ лица земли армянъ, всѣхъ этихъ стариковъ и дѣтей, гимназистовъ и гимназистокъ, если-бы не было неприлично и не показалось некультурно“. Это

тотъ-же Герценъ и тотъ-же социализмъ. Это вообще русскій нигилизмъ, очевидно *въко-вѣчный* (Китъ Китычъ, о женѣ своей: „хочу съ кашей ѣмъ, хочу со щами хлѣбаю“). Опять, опять „удѣль Россіи“:—очевидно, не русскимъ дано это пониманіе въ удѣль. Несчастные русскіе,—о, обездоленные... Опять-же евреи: на что—погромы. Вѣдь это—ужасъ. И вотъ все-же они нашли и послѣ нихъ всѣ слова, какія я привелъ,—и порадоваться русской свободѣ, и оцѣнить русскаго попа. Да и вообще *злого глаза, смотрящаго украдкою или тайно за спиною русскаго, я у еврея не видалъ.*

Я и хочу сказать, что дѣло заключается въ какой-то дѣловой всемірности,—не отвле-ченной, не теоретической, а съ другой сто-роны—не вздыхающей и слезливой, а прак-тической и помогающей. Самый „социализмъ ихъ“, какъ я его ни пенявижу, всетаки замѣчательнень: всетаки вѣдь социализмъ выра-жаетъ мысль о „братствѣ народовъ“ и „брат-ствѣ людей“, и они въ него уперлись. Тутъ только наивность евреевъ, которые рѣшитель-но не такъ умны, какъ европейцамъ пред-ставляется, какъ европейцы пугаются. Они взяли элементарно, первобытно, высчитывая

по пальцамъ: „кто съ чѣмъ, съ какимъ имуществомъ живетъ“, и не догадываясь, что все зависитъ отъ „какъ этотъ человѣкъ живетъ“; что можно жить „съ большимъ богатствомъ— какъ въ аду“ (наши Китъ Китычи) и можно жить на кухнѣ, „въ прислугахъ“—„счастливые господа“. Рѣшительно я замѣчалъ, какъ многіе „господа“ живутъ печальнѣе, грустнѣе и раздраженнѣе своихъ прислугъ, которые— по самымъ лицамъ ихъ видно—живутъ „благословясь“ и „въ благословеніи“. Соціализмъ вообще плоская доска,—и безмѣрная наивность евреевъ, что они восприняли его, что они повѣрили въ такой глупый счетъ арифметическихъ машинъ. И я вѣрю, что это непременно и скоро кончится. *Имъ-ли, имъ-ли*, послѣ *ихъ-ли исторіи* и судебъ,—вѣрить этому... Имъ-ли, которые въ нѣгѣ реализма („будь все какъ есть“) произнесли: „льна курящагося не погаси“ и „трости надломленной не переломи“,—и которые, если кто богатый объѣднѣетъ у нихъ, то община обязана не только содержать его, но и купить ему карету, если прежде была у него карета: дабы онъ не испытывалъ перемѣны въ самомъ уровнѣ своего положенія и не скорбѣлъ черезъ

самую мысль даже о немъ... Это именно нѣга благородства и человѣчности, и выраженная кухоннымъ, т. е. реальнѣйшимъ способомъ. „Такъ несчастно жить въ ихъ гетто“ и ихъ „свинные кагалы“. (Мнѣ сообщилъ это еврей торговецъ дамскими ботинками, въ совершенно темномъ вагонѣ, въ Спб., въ Варшавскомъ вокзалѣ; онъ былъ, что такая у нихъ рѣдкость, немного не трезвъ). Вотъ! вотъ! вотъ! настоящая идея уравненія бѣднаго и богатаго: помощь бѣдному и *помощь богатому*, дабы оба держались „на томъ-же уровнѣ“, безъ ощущенія разницы температуръ *привычной жизни*, жизни—просто *отъ роду*. О, гений универсальности и чуткости. Богачъ можетъ также скорбѣть и *страданія его могутъ быть величайшія*. Нельзя завистливымъ глазомъ смотрѣть на богатство. Это—христіанство. И чуть-ли именно по зависти, а не по „благости“—соціализмъ есть во-истину христіанское явленіе. Самый „соціализмъ“ или „соціализація“—безъ христіанства—выразился-бы пожалуй въ другомъ, иначе: *обѣдаю самъ*, но и еще лишнему, гостю, *чужому съ улицы*—даю обѣдъ, *сажаю съ собою его за столъ*, *не отягощаясь*, что это—чужой. Соціализмъ вы-

разился-бы близостью, социализмъ выразился-бы любовью; а не—„перерву горло“ у солдата, закричавшаго: „жидъ про-кля-тый“. Словомъ, социализмъ выразился-бы тоже однимъ изъ таинственныхъ вѣяній Сулиминой, какимъ—мы не знаемъ, если-бы онъ былъ оригинально-евреенъ, а не подражательно-евреенъ (отъ европейцевъ). Да вотъ: „Дай, я умою ноги тебѣ“, о нищемъ, о бѣдномъ. Тутъ именно „дотронуться“, дотронуться до бѣднаго. Какъ я и сказалъ: „надо пощупать кожу его“.

Суть вещей. Суламиноѣ. Вѣдь вся „Пѣснь пѣсней“—пахуча. Тайна вещей, что онъ не „добръ“, а—нѣженъ. Добро—это отвлеченность. Добро—это долгъ. Всякій „долгъ“ надоѣсть когда-нибудь дѣлать. Тайна міра, тайна всего міра заключается въ томъ, чтобы мнѣ самому было сладко дѣлать сладкое, и вотъ тутъ секретъ. „Сними обувь, и я взявъ холодной воды—проведу по подошвамъ твоимъ, по подъему ноги, по пальцамъ“. Тутъ такъ близко, что уже есть любовь. „Я замѣчу старую морщину у старика,—да и такъ, можетъ выйти случай, шутка около омовенія ногъ“. Это вообще такъ близко, что не можетъ не завязаться шутка и анекдотъ „около ноги“.

Ну, вотъ, видите: а разъ—шутка и анекдотъ, то уже никогда не выйдетъ холоднаго, холоднаго потому—что формальнаго, *liberté, fraternité, égalité*. Къ великимъ прелестямъ еврейской исторіи относится то, что при всей древности и продолжительности ея—никогда у нихъ даже не мелькнуло сказать такой пошлости. Такой невѣрности и такой несправедливости. Ибо вѣдь нужно и истину и справедливость перевернуть вверхъ дномъ, дабы между неодинаковыми, ничего между собою не имѣющими общаго людьми, установить *égalité*, да и еще родственное—*fraternité*.

Прямо чувствуешь франтовъ и маркизовъ XVIII-го вѣка, *fin du siècle XVIII-ème*. А это:

„Около тебя *раба твоя, Рувь...*“—„И *будетъ мнѣ по глаголу твоему*“... Какіе все тоны! Ты плачешь, европеецъ. Плачь же. Плачь бѣдными своими глазами. Плачь: потому-что въ оригинальной твоей исторіи ты вообще не сотворилъ такихъ словооборотовъ, сердцеворотовъ, умоворотовъ. Вся душа твоя—плосце, суше, холодище. О, другое солнце, другое солнце. Другая пахучесть, иныя травы. И—посмотрите, королевы-ли, маркизы, жены, любовницы: вѣдь Суламинь—всего только лю-

блудница. Любовница? И никто не отрицаетъ. Но жены стоятъ и рыдаютъ: „о, какъ хотѣли бы мы только побыть такою любовницею“. И вотъ—посмотрите чудо, чудо уже въ нашей исторіи и „въ строгостяхъ нашихъ“: и церковь не отрицаетъ, что это—только любовница. Но и она рыдаетъ и говоритъ: „Какое чудо... Я знаю—кто она, эта Суламнѣв: и—не осуждаю, и обнимаю ноги ея, потому что она вся прекрасна и благородна, и нѣтъ лучшей между женами по чистотѣ мыслей и словъ“.

И чувствуете-ли вы, европейцы, что вотъ уже и весь міръ преобразенъ. Нѣтъ вашихъ сухихъ категорій, нѣтъ вашихъ плоскихъ категорій. Гдѣ юриспруденція? гдѣ законы? Нѣтъ, гдѣ—гордость? А изъ нея у Европы—все. Вся Европа горда и изъ гордости у нея все. Не надо! Не надо! Небо, небо! Неба дай намъ. А небо...

Оно тамъ, гдѣ рабство. Гдѣ рабы счастливѣе господъ. А „гдѣ рабы счастливѣе господъ“—это тайна Израиля. Ибо по-истинѣ Суламнѣв была счастливѣе Соломона и Агарь прекраснѣе Авраама. Вотъ.

Еще о „сынѣ“ въ отношеніи „Отца“.

...Въ сынахъ человѣческихъ,—сынахъ земныхъ и несовершенныхъ,—такъ это и происходитъ, что „сынъ рождается“, если отецъ былъ не полонъ. Если онъ не круглъ, не закругленъ (зерно, видъ зерна, онтологическое основаніе закругленности всякихъ вообще зеренъ), если онъ—угловатъ.

Сынъ, дѣти въ сынахъ человѣческихъ всегда не походятъ на отца, и скорѣе **противолежатъ** ему, нежели его повторяютъ собою. Мысль о тавтологіи съ отцомъ, не отличаемою отъ отца противорѣчитъ закону космической и онтологической цѣлесообразности. Повтореніе вообще какъ-то глупо. Онтологически—оно не возможно.

Посему кто сказалъ-бы: „я и отецъ—одно“, вызвалъ-бы отвѣтомъ недоумѣніе: „Къ чему?“ — „Зачѣмъ повтореніе?“ Нѣтъ, явно, что сынъ могъ-бы „придти“ только чтобы „восполнить отца“ какъ несовершеннаго, лишенаго полноты и вообще недостаточнаго. Безъ онтологической недостаточности отца не можетъ быть сына, хотя-бы отецъ и былъ „вѣчно рождающимъ“ и даже только въ сути своей

именно „рождающимъ“. Но онъ „рождаетъ міръ“ и наконецъ имѣетъ даръ, силу и красоту рожденія, хотя-бы даже безъ выраженія ея на землѣ или въ исторіи. Вѣришь, онъ именно *продолжаетъ* и доселѣ сотворять міръ, *соучаствуя* всѣмъ тварямъ безъ исключенія въ родахъ ихъ; составляетъ *нервъ* и *нить* ихнихъ родовъ, отъ цвѣтка и до чловѣка, безъ преимущества цвѣтку или чловѣку. Но чтобы „появился сынъ“ какъ имяность и лицо, то это могло-бы быть только, чтобы сказать *нѣчто новое* землѣ и совершить на ней тоже *новое*. Безъ повизны нѣтъ сына. Сказать *иное* отъ отца и именно *отличное* отъ отца—вотъ для чего могъ-бы „прийти“ сынъ. Безъ противорѣчія отцу не можетъ быть сына,

Такъ это и изложено въ самомъ Евангеліи. „Древніе говорятъ..., а (но)—Я говорю“. На самомъ дѣлѣ это говорили не древніе *люди*, но—*законъ* ихъ, вышедшій отъ Отца. Возьмемъ же „око за око“ и „подставь ланиту ударившему тебя“. „Око за око“ есть основаніе онтологической справедливости наказанія. Безъ „око за око“—*бысть* преступленіе и *нѣсть* наказанія. А „наказаніе“ даже въ упрекѣ со-

вѣсти (и въ немъ сильнѣе, чѣмъ въ физикѣ)— оно *есть*, и оно онтологично міру, т. е. однопространственно и одновременно міру, въ душѣ его лежитъ. И отъ того, что оно такъ *положено* въ мірѣ, положено Отцомъ небеснымъ, — Христова „ланита“, въ противоположность Отцовскому (какъ и *вездѣ*) *милосердію*,—довела человѣчество до мукъ отчаянія, до мыслей о самоубійствѣ, или—до безконечности обезобразила и охаотила міръ. Между прочимъ, на это показываютъ слова Апостола Павла: „*Бѣдный я человѣкъ, кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти*“. Это — прямо вопль Каина, и относится онъ безспорно къ винѣ отчѣны обрѣзанія, т. е. къ разрушенію имъ, уже совершенно явно, всего Вѣтхаго Завѣта, при полномъ непониманіи этого Завѣта. Какъ и *вездѣ* въ Евангеліи, при „пустякахъ“ ланиты, дѣлая пустое облегченіе человѣку, — Христось *на самомъ дѣлѣ невыносимо отяготилъ* человѣческую жизнь, усѣялъ ее терніями и волчцами“ колючекъ, чего-то рыхлаго, чего-то несбыточнаго. На самомъ дѣлѣ, „справедливость“ и „наказаніе“ есть то „обыкновенное“ и то „нормальное“ земного бытія человека, безъ чего это бытіе потеряло-бы

уравновѣшенность. Это есть то ясное, простое и вѣчное, что именно характеризуетъ „полноту“ отца и его вѣчную основательность,—кончающую короткое короткимъ,—на мѣсто чего стали слезы, истерика и сантиментальность. Настала Христова мука, настала Христова смута.

Приказъ № 1

превратившіи одиннадцатью строками одиннадцатимилліонную русскую армію въ труху и сорь, не подѣйствоваль-бы на нее и даже не былъ-бы вовсе понятъ ею, если-бы уже $\frac{3}{4}$ вѣка къ нему не подготовляла вся русская литература. Но нужно было, чтобы—гораздо ранѣе его—начало слагаться пренебреженіе къ офицеру, какъ къ

дураку
фанфарону
трусу,

во всѣхъ отношеніяхъ къ—

ничтожеству

и отчасти къ

вору.

Для чего надо было сперва посмотрѣть на
Скалозуба

въ театрѣ

и прочитатъ, какъ

умывался

генераль Бетрищевъ, пишущій „Исторію генераловъ отечественной войны“,—у Гоголя, фыркавая въ носъ Чичикову. Тоже—и самому Толстому надо было передать, какъ генералы храбрятся по виду, и стараются не нагнуться при выстрелѣ, но нагибаются, вздрагиваютъ и трясутся въ душѣ и даже на яву.

Когда вся эта литература прошла,—прошла въ геніальныхъ по искусству созданіяхъ „русскаго пера“,—тогда присяжный повѣренный Соколовъ „снялъ съ нея сливки“. Но еще болѣе „снялъ сливки“ Берлинскій Генеральный Штабъ, охотно-бы заплатившій за клочекъ писанной чернилами бумажки всю сумму годового дохода Германіи за-годъ.

„Приказъ № 1“ давно готовился. Безспорно, онъ былъ заготовленъ въ Берлинѣ. Берлинъ вообще очень хорошо изучилъ русскую литературу. Онъ ничего не сдѣлалъ иного, какъ выжалъ изъ нея сокъ. Онъ отбросилъ цѣлебное въ ней, чарующее, истинное. „На войнѣ

какъ на войнѣ"... „Эти ароматы намъ не нужны“. „Намъ,—нѣмцамъ на рѣкѣ Шпрее...“

..Отъ ароматовъ и благоуханій онъ отдѣлилъ ту каплю желчи, которая несомнѣнно содержалась въ ней. Несомнѣнно—содержалась. И въ нужную минуту поднесъ ее Россіи.

Именно ее.

Ее одну.

Каплю наиболѣе роскошно выработанную золотою русскою литературой.

„Ней. Ты-же ее любила. Растила. Холила“.

Россія выжила и умерла.

Собственно, никакого нѣтъ сомнѣнія, что Россію убила литература. Изъ слагающихъ „разложителей“ Россіи ни одного нѣтъ не литературнаго происхожденія.

Трудно представить себѣ... И, однако—*такъ*.

Къ читателю, если онъ другъ.—Въ этотъ страшный, потрясающій годъ, отъ многихъ лицъ, и знакомыхъ, и вовсе неизвѣстныхъ мнѣ, я получалъ, по какой-то догадкѣ сердца, помощь и денежную и съѣстными продуктами. И не могу скрыть, что безъ таковой помощи я не могъ-бы, не *сумѣлъ-бы* перебыть этотъ

годъ. Мысли и страхи и тоска самоубійства уже мелькали, давили. Увы: писатель—сомнамбула. Лазить по крышамъ, слушаетъ шорохи въ домахъ: а не поддержки или не удержи его кто-нибудь за ноги, если онъ проснется отъ крика къ дѣйствительности, ко дню и пробужденію, онъ сорвется съ крыши дома и разобьется на смерть. Литература великое, само-завѣтное счастье, но и великое въ личной жизни горе. Черныя тѣни, уголь; но и молодая эосъ (заря) эллиновъ. За помощь—великая благодарность; и слезы не разъ увлажняли глаза и душу. „Кто-то помнить, кто-то думаетъ, кто-то догадался“. „Сердце сердцу вѣсть сказала“. Тоже въ своемъ родѣ сомнамбулизмъ пространствъ, время и уже читательской души и ея *благородныхъ свидѣній*. Естественно каждому *своя душа открыта*, и о своей душѣ я знаю, какъ она ласкаетъ и бережетъ (главное!) и хочетъ унѣжить и у-интимить (сдѣлать интимною) душу читателя. „Интимное, интимное берегите: всѣхъ сокровищъ міра дороже интимность вашей души! — то, чего о душѣ вашей никто не узнаетъ!“ На душѣ читателя, какъ на крыльяхъ бабочки, лежитъ та нижняя *последняя*

пыльца, которой не смѣть, не знаетъ коснуться никто кромѣ Бога. Но вотъ и обратно: значить, интимность души читателя взяла внутрь себя интимную душу писателя. „Какъ ты тревоженъ, мой авторъ. Откуда у тебя такіе сны и страданія?“

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной
Какую навѣваешь *быль*?

Усталъ. Не могу. 2-3 горсти муки, 2-3 горсти крупы, *пять* круто испеченныхъ яицъ можетъ часто спасти *день мой*. Что-то золотое брезжится мнѣ въ будущей Россіи. Какой-то въ своемъ родѣ „апокалипсическій переворотъ“ уже въ возрѣніяхъ историческихъ не одной Россіи, но и Европы. Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мнѣ брезжится въ послѣднихъ дняхъ моей жизни. В. Р. Сергіевъ Посадъ, Московск. губ., Крисяковка Полевая ул., домъ свящ. Бѣляева.

Сергіевъ посадъ. Типографія И. Иванова.